

УДК 811.161.1'37

UDC 811.161.1'37

ПЕРСОНІФІКАЦІЯ ЖИЗНИ І СМЕРТИ ПОСРЕДСТВОМ СУБСТАНТИВНИХ МЕТАФОР В РУССКОМ ПОЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ХХ – НАЧАЛА ХХІ века

PERSONIFICATION OF LIFE AND DEATH THROUGH SUBSTANTIVE METAPHORS IN RUSSIAN POETIC DISCOURSE OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES

А. А. Папейко,

*кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры теории
и методики начального образования
Могилёвского государственного
университета имени А. А. Кулешова*

A. Papeiko,

*Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Theory and Methodology
of Primary Education of Mogilev State
University named after A. A. Kuleshov*

Поступила в редакцию 17.04.2024.

Received on 17.04.2024.

В статье приводится общая структура смыслового поля субстантивных метафор *жизни* и *смерти*. Подробно рассматриваются субстантивные метафоры, отражающие персонификацию *жизни* и *смерти* в русском поэтическом дискурсе. Отмечаются случаи субстантивной метафоризации *жизни* и *смерти* посредством одних и тех же вторичных номинантов. Описываются общие и уникальные для *жизни* и *смерти* семантические множители, возникающие на основе общего значения живого существа. Делаются выводы о статусе *жизни* и *смерти* как члена бинарной оппозиции, об их полноте и детальности образного отражения в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: концепт, метафора, вторичная номинация, персонификация, соматизм, жизнь, смерть, семантический множитель, русский поэтический дискурс.

The article provides the general structure of the semantic field of substantive metaphors of *life* and *death*. Substantive metaphors reflecting the personification of *life* and *death* in Russian poetic discourse are examined in detail. There are cases of substantive metaphoricization of *life* and *death* through the same secondary nominees. The semantic factors common and unique to *life* and *death* are described, arising on the basis of the general meaning of a living being. Conclusions are drawn about the status of *life* and *death* as members of a binary opposition, about their completeness and detail of figurative reflection in poetic discourse.

Keywords: concept, metaphor, secondary nomination, personification, somatism, life, death, semantic multiplier, Russian poetic discourse.

Концепты *жизнь* и *смерть* в силу своей неоспоримой важности для человека представляют собой значимую часть языковой картины мира. В предыдущих публикациях, подготовленных в рамках диссертационного исследования «Ключевые концепты русского поэтического дискурса ХХ – начала ХХІ века в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование», мы в большей степени останавливались на частотных и семантических особенностях *жизни* в качестве самостоятельного объекта изучения [1–7]. Здесь мы рассмотрим *жизнь* в плане сопоставления со вторым членом бинарной оппозиции – *смерть*.

Исследование проводилось на материале творчества 31 автора, представляющего три равнозначных во временном плане периода

русской поэзии: 1) 1901–1940 гг.; 2) 1941–1980 гг.; 3) 1981–2022 гг. Количество рассмотренных текстов составило 16 241 с общим объемом словоупотреблений 2 226 780. Источником текстового материала являлись: поэтический корпус Национального корпуса русского языка [8], Международный портал авторской песни [9], персональные сайты авторов [10–13], литературные ресурсы «Вавилон» [14], «Журнальный зал» [15], «Новая камера хранения» [16], а также текстовые архивы произведений, непосредственно предоставленные для нашего исследования некоторыми авторами (О. Е. Залесская, О. И. Качанова, А. О. Макаренко).

В итоге сплошной выборки было зафиксировано 4369 случаев употребления лексического

репрезентанта *жизнь* и 1853 – репрезентанта *смерть*; иными словами, *смерть* в поэтическом дискурсе встретилась приблизительно в 2,4 раза реже, что, возможно, свидетельствует об осознанном или неосознанном «отгораживании» от разрушительного, враждебного, крайне нежелательного явления. Интересно, что по данным частотного словаря русского языка [17], составленного на основе 1 миллиона словоупотреблений и учитывающего тексты разного рода (публицистические и научные тексты; художественная проза; драматургия; журнальные и газетные тексты), расхождение частотности употребления *жизни* и *смерти* оказывается ещё более значительным и составляет $1547 : 230 = 6,7$ раза.

Более частое в сравнении с общеязыковым употребление *смерти* наряду с *жизнью* создает в поэтическом дискурсе предпосылку выхода этих понятий за рамки комплементарной антонимии и приобретение ими статуса членов диалектически организованной бинарной оппозиции, отношения между которыми оказываются сложнее простого взаимного отрицания. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что для зафиксированных нами субстантивных метафор *жизни* и *смерти* характерен практически одинаковый перечень смысловых групп, в рамках которых осуществляется вторичная номинация (в приведенном ниже списке из 20 позиций зачеркнутым курсивом выделены подгруппы, наличествующие в метафорическом смысловом поле *жизни* и отсутствующие у *смерти*): 1) астрономический, воздушный, географический, водный объект; 2) вещество, материал; ~~продукт питания~~, напиток; 3) волевое, внутреннее, внешнее качество; 4) движение, развитие, проявление, образ; ~~наличие, отсутствие, часть от целого~~; 5) действие, событие; 6) жизнь, смерть; функция организма; 7) звук, запах, вкус; освещение, цвет; 8) игра, ее атрибуты; 9) локус движения; транспорт; 10) предмет (артефакт, вещь, след деятельности и др.); 11) пространство, его часть, форма, изображение; 12) растение, его часть, место произрастания; 13) сознание, его работа, состояние; познаваемость; 14) соматизм (часть тела); 15) стихия (вода, огонь, воздух), явление природы; 16) строение, поселение, заведение; 17) текст, его носитель; 18) темпоральность (временная характеристика); 19) человек (пол, возраст, профессия и др.); животное; персонаж; 20) чувство, ощущение, отношение. В рамках данных групп нами было зафиксировано в общей сложности 938 примеров субстантивной метафоризации *жизни*, представленной 598 различными словами, и 380 примеров для репрезентанта *смерть*, номинированного 282 различными

словами. Соотношение $938 : 380 = 2,47$ (т. е. случаев субстантивной метафоризации *жизни* и *смерти*) приблизительно соответствует приведенным выше общим показателям частотности *жизни* и *смерти* в поэтическом дискурсе, составляющим $4\ 369 : 1\ 853 = 2,36$; вместе с тем удельный вес и лексическое наполнение перечисленных групп субстантивных метафор в смысловом поле *жизни* и *смерти* существенно отличаются.

Рассмотрим более подробно группы № 14 и 19 с общим значением персонификации. Ниже приведены перечни зафиксированных нами подобных метафор с разбивкой на смысловые подгруппы (два числа через наклонную черту обозначают общее количество примеров и количество разных слов; процентный показатель после слов «жизнь» и «смерть» обозначает удельный вес среди всей совокупности субстантивных метафор *жизни* или *смерти*, а после названия семантической подгруппы – ее удельный вес среди персонифицированных метафор *жизни* или *смерти* соответственно; числа в рамках перечней – количество употреблений соответствующей лексемы, если значение больше 1).

ЖИЗНЬ (52 / 45; 5,54 %):

- животное (5 / 5; 9,62 %): бабочка, муха, птица, рыба, свинья;
- персонаж (4 / 4; 7,69 %): вампир, Кощей, Психея, химера;
- соматизм (10 / 8; 19,23 %): волос, жало, кровь, ладонь, палец, рожа (2), сердце, тело (2);
- человек (33 / 28; 63,46 %): ведьма, воровка, двойник, дива, друг, жена, заложник, комсомол, любовница, мальчик, мать, невеста, непоседа, подруга (2), портниха, процентщица, рать, сброд, сводня, сестра (2), соседка (2), старуха (2), табор, товарищ (2), трубач, художница, чета, чудачка.

СМЕРТЬ (116 / 75; 30,53 %):

- животное (7 / 6; 6,03 %): волчица, пантера, птица (2), пчела, стрекоза, червь;
- персонаж (2 / 2; 1,72%): богиня, Давид;
- соматизм (56 / 29; 48,28 %): волосочек, глаз (5), глотка, голова, грудь, губа, жало, жила, зенки, зуб (2), косичка, крыло (4), лицо (12), лоно, нерв, нога, око (2), плоть (2), пот, прыщ, рог, рот, рука (7), слеза, сосок, уста, ухо, череп, щека;
- человек (51 / 38; 43,97 %): анатом, враг (2), всадник, госпожа (2), государыня, дама (2), двойник (2), девочка, друг, застолец, карга, командир, коммунист, любимая, малютка, мать, мужчина, организатор, отец, подруга, полковник, проститутка, рабочий, садовница (2), сестра (2),

соседка (3), союзник, старик, старуха (4), сын, Тальони, толпа, трубач, учитель (2), учительница, физиогномист, царица, царица (2).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что доля метафор, отражающих персонифицированное восприятие, для *смерти* в 5,5 раз выше, чем для *жизни*; иными словами, *смерть* в поэтическом дискурсе часто предстаёт как субъект, наделённый чертами живого (реально существующего или вымышленного) существа. При этом как для *жизни*, так и для *смерти* заметен акцент на подгруппах «соматизм» и «человек», однако если в случае с *жизнью* более весомой оказывается подгруппа «человек» (63,46 и 43,97 % от персонифицированных метафор *жизни* и *смерти* соответственно), то для *смерти* более актуальной оказывается подгруппа «соматизм» (19,23 и 48,28 %).

Интересно, что субстантивная метафоризация *жизни* и *смерти* со значением персонификации в ряде случаев осуществляется посредством одних и тех же вторичных номинантов, из которых мы зафиксировали 11 следующих: *волос (волосочек), двойник, друг, жало, мать, подруга, птица, сестра, соседка, старуха, трубач*. С учетом повторяющихся данные номинанты составляют от персонифицированных субстантивных метафор 28,8 % для *жизни* и 16,4 % для *смерти*; очевидно, это свидетельствует о некотором отождествлении *жизни* и *смерти* в поэтическом дискурсе, частичном наложении и взаимопроникновении смысловых полей. Обычно одинаковые метафоры *жизни* и *смерти* имеют при сопоставлении в целом сходную семантику, однако могут отличаться оттенками значения, уподобляясь семантическим синонимам. Так, в первой из приведенных ниже цитат метафора *волос* по отношению к *жизни* символизирует ее непрочность, разрушаемость, конечный характер, зависимость от воли высших сил. Во второй цитате метафора *волосочек* применительно к *смерти* указывает на микроскопический размер (см. градацию значения в ряду с итоговым использованным диминутивом: *волос – волосок – волосочек*) и с учетом контекста (стихотворение «Доктор осень» А. А. Вознесенского) может быть интерпретирована как «возбудитель смертельно опасного заболевания»: *Тонкий в руках ее вьется волос / жизни твоей, рассеченный Паркой.* (Бродский) Сравн.: *Чтоб от виселицы в трех метрах, / в микроскопном желтом глазке, / жизнь искать в волосочке смерти – / сам от смерти на волоске?!* (Вознесенский).

Важно, что реализованная в поэтическом дискурсе смысловая нагрузка может не просто отличаться от «ожидаемой» общеязыковой, но

и вступать с ней в отношения прямой противоположности.

Так, если рассмотреть *жизнь* как созидательное позитивное начало, то неожиданное, контрастивное значение она приобретает в метафоре *жало*, представляя как субъект, обладающий атрибутом негативного воздействия и сугубо антропоморфной чертой – коварством: *Под языком у жизни жало – / Сначала будто всё ласкала, / Потом колола и кусала, / Кровавым ядом напитала, / И ядовитую я стала.* (Шварц). Применительно же к *смерти* как началу деструктивному, разрушительному соматическая метафора *жало* является более ожидаемой, но не исключаяющей других средств создания художественного образа. Так, в приведенном ниже примере, помимо собственно названной метафоры, на усиление образности направлены, во-первых, обращение (в результате *смерть* предстает как персона, собеседник), во-вторых, зависимый компонент сочетания *смерть земли* (т. е. возможность *смерти* приписывается неодушевленному существительному), в-третьих, присутствие в ближайшем контексте комплементарного общеязыкового антонима: *Смерть! смерть земли! твое где жало? / Жизнь! жизнь земли! твой где конец?* (Брюсов)

Напротив, неожиданными для *смерти* и более ожидаемыми для *жизни* являются антропоморфные метафоры с позитивной коннотацией, обозначающие степень родства, близость отношений, приязнь – *друг, мать, подруга, сестра*. При этом в рамках ближайшего контекста с субстантивной метафорой вновь могут соседствовать иные образные средства, например, персонификация за счет приписывания *смерти* свойственных человеку действий (*примерять*, причем по отношению к жаргону, а не одежде; *входит в дом*, что помимо активности *смерти* как субъекта подключает смысловой план желательности или нежелательности совершаемого действия) и употребление эвфемизма (*деревянное платье* вместо «гроб»): *...случайно ли жаргон полублатной / мне примеряет смерть, моя подруга, / и в деревянном платье входит в дом?* (Кекова). Являясь более ожидаемой применительно к желательному, созидательному началу (*жизни*), метафора *подруга* оказывается лишней контрастивного потенциала, однако усиление образности становится возможным за счет подчеркивания антропоморфных характеристик (*жизнь* не просто предстает в качестве подруги, но и является субъектом действия, обусловленного сугубо человеческой чертой – способностью к речевой деятельности): *Первой грозы раскат / С гор покатился*

вниз... / – Не повернуть назад, – / Шепчет подруга-Жизнь... (Макаренков)

Что касается персонифицированных субстантивных метафор в целом (т. е. не только повторяющихся), то при сопоставлении *жизни* и *смерти* заметны два обстоятельства.

Во-первых, явное количественное превосходство метафор *смерти* в подгруппах «соматизм» и «человек» в сопоставлении с *жизнью*; так, суммарное количество метафор в рамках названных подгрупп составило для *жизни* 43 и для *смерти* 107. Во-вторых, значительно более полная метафорическая характеристика *смерти* в сравнении с *жизнью*, о чем говорит и количество разных слов, использованных в качестве вторичных номинантов: это число для подгрупп «соматизм» и «человек» в сумме составляет 36 для *жизни* и 67 для *смерти*.

Интересно, что большая часть семантических множителей (сем), потенциально возможных благодаря общему значению «человек» и в различной комбинации реализованных в метафорах, для *жизни* и *смерти* оказывается одинаковой: род занятий (профессия), пол, возраст, похоть, содействие, противодействие, кровное родство, характер, совокупность и др. Например, актуализация семы «род занятий» приводит к появлению таких метафор *жизни*, как *ведьма, воровка, дива, портниха, процентщица, сводня, трубач, художница*, например: *И день не оттянешь у жизни-воровки (Маяковский); Что настаивающий нам твой / Хрип, обезголосившая дива – Жизнь! (Цветаева); Странный сон увидел я сегодня: / Снилось мне, что я сверкал на небе, / Но что жизнь, чудовищная сводня, / Выкинула мне недобрый жребий. (Гумилёв)* Доминирование этой же семы в смысловой структуре *смерти* обуславливает метафоры *анатом, всадник, госпожа, государыня, застонец, командир, коммунист, организатор, полковник, проститутка, рабочий, садовница, трубач, учитель, учительница, физиогномист, царевна, царица*, например: *Выход один беднякам и богатым: / Смерть – это самый бесстрашный анатом. (Высоцкий); Наследственность и смерть – застольцы наших трапез. (Пастернак); Где отступается Любовь, / Там подступает Смерть-садовница. (Цветаева)* Вместе с тем есть семантические множители, свойственные только *жизни* или только *смерти*. Так, сема «зависимость» присутствует в смысловой структуре *жизни*, актуализируясь в метафоре *заложник*, и отсутствует у *смерти*; сема «власть» присутствует и даже выходит на передний план во многих метафорах *смерти* (например, *госпожа, государыня, командир, организатор, полковник, царевна, царица*) но от-

сутствует у *жизни*. Сказанное свидетельствует о том, что *жизнь* в рамках властных отношений метафоризируется как лицо подчиненное, зависящее от воли высшего по отношению к ней внешнего источника; *смерть* же, напротив, выступает как персона властная, имеющая право распоряжаться всем, в том числе *жизнью*, сравн.: *Мне казалось, что жизнь – это лишь / певчей силы заложник. (Вознесенский) Когда шесть круглых дул нацелено, / Чтоб знак дала Смерть-командир, – / Не стусклена, не обесценена / Твоя дневная прелесть, мир! (Брюсов)*

Что касается группы соматических реакций, то легко заметить фрагментарность внешнего облика *жизни* (*волос, жало, кровь, ладонь, палец, рожа, сердце, тело*) и, напротив, целостность внешности *смерти*, портрет которой складывается из таких метафор-деталей, как *волосочек, глаз, глотка, голова, грудь, губа, жало, жила, зенки, зуб, косичка, крыло, лицо, лоно, нерв, нога, око, плоть, пот, прыщ, рог, рот, рука, слеза, сосок, уста, ухо, череп, щека*. В результате *смерть*, в отличие от *жизни*, предстает как живое существо, у которого есть голова, детализированное лицо, тело, конечности, органы чувств и репродукции, отличительные внешние особенности, способность к перемещению и воздействию на окружающую среду, например: *...близится смерть в шутовском колпаке, / надетом на лысую голову. (Кекова) Губы смерти нежны, и бело / Молодое лицо ее. (Гумилёв) Вот у смерти – красивый широкий оскал / И здоровые, крепкие зубы. (Высоцкий) Вижу, вижу смерть другую, / знаю смысл ее и цель, / вижу плоть ее нагую, / лона маленькую щель. (Кекова) Так, когда-нибудь, в сухое / Лето, поля на краю, / Смерть рассеянной рукою / Снимет голову – мою. (Цветаева)*

Завершая сказанное, сформулируем основные выводы.

1. Реализованные в русском поэтическом дискурсе посредством субстантивных метафор, концепты *жизнь* и *смерть* выходят за рамки комплементарной антонимии и приобретают статус диалектически организованной бинарной оппозиции.
2. Субстантивные метафоры *жизни* и *смерти* имеют практически одинаковый перечень смысловых групп вторичной номинации; вместе с тем удельный вес и лексическое наполнение данных групп в смысловом поле *жизни* и *смерти* существенно отличаются.
3. Персонифицированные метафоры *смерти* в сопоставлении с метафорами *жизни* создают более полную картину обозначаемого явления, представляя *смерть* как живое существо с детализированной внешностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Папейко, А. А. Концепт «жизнь» в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: сравнительные обороты с именами существительными / А. А. Папейко // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка ; редкол.: В. Д. Старичёнок [и др.] ; отв. ред. В. Д. Старичёнок. – Минск, 2023. – С. 316–318.
2. Папейко, А. А. Концепт жизнь в русском поэтическом дискурсе 1901–1940 гг.: семантико-статистическое моделирование / А. А. Папейко // Весті БДПУ. Серія 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2023. – № 4. – С. 112–117.
3. Папейко, А. А. Метафорическое осмысление жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: глагольные конструкции со значением субъекта / А. А. Папейко // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2023. – № 5 (126). – С. 93–100.
4. Папейко, А. А. Опыт семантико-статистического моделирования концепта жизнь (на материале творчества О. Э. Мандельштама) / А. А. Папейко // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол. : С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023. – С. 88–94.
5. Папейко, А. А. Семантико-статистическая модель концепта «жизнь» в русском поэтическом дискурсе 1941–1980 гг. / А. А. Папейко // Язык, текст и культура: проблемы лингвистики и изучения русского языка как иностранного : материалы III Международной научно-практической конференции / отв. Ред.: М. Р. Напцок. – Майкоп : АГУ, 2023. – С. 90–94.
6. Папейко, А. А. Семантико-статистическая модель концепта жизнь (на материале творчества А. А. Ахматовой) / А. А. Папейко // Куляшоўскія чытанні : зборнік навуковых артыкулаў па матэрыялах Міжнар. навук.-практ. канф., г. Магілёў, 4–5 мая 2023 г. / пад рэд. Т. В. Масейчук. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2024. – С. 49–54.
7. Папейко, А. А. Квалитативная характеристика жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой / А. А. Папейко // Известия Смоленского гос. ун-та. – 2023 – № 4 (64). – С. 89–101.
8. Сайт НКРЯ: <https://ruscorpора.ru>.
9. Сайт Международного портала АП: <http://www.bards.ru>.
10. Сайт Д.Б. Воденникова: <http://www.vodennikov.ru>.
11. Сайт И.М. Иртеньева: <http://irteniev.ru>.
12. Сайт А.М. Парщикова: <http://parshchikov.ru>.
13. Сайт О.А. Седаковой: <https://olgasedakova.com>.
14. Сайт ресурса «Вавилон»: <http://vavilon.ru>.
15. Сайт ресурса «Журнальный зал»: <https://magazines.gorky.media>.
16. Сайт ресурса «Новая камера хранения»: <http://newkamera.de>.
17. Частотный словарь русского языка: около 40 000 слов / Под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Русский язык, 1977. – 936 с.

REFERENCES

1. Papejko, A. A. Koncept «zhizn'» v poeticheskom diskurse M. I. Cvetaevoj: sravnitel'nye oboroty s imenami sushchestvitel'nymi / A. A. Papejko // Yazyk i mezhkul'turnye kommunikacii : sb. nauch. st. / Belorus. gos. ped. un-t im. Maksima Tanka ; redkol.: V. D. Starichyonok [i dr.] ; otv. red. V. D. Starichyonok. – Minsk, 2023. – S. 316–318.
2. Papejko, A. A. Koncept zhizn' v rusском poeticheskom diskurse 1901–1940 gg.: semantiko-statisticheskoe modelirovanie / A. A. Papejko // Vesci BDPU. Seryya 1. Pedagogika. Psihologiya. Filologiya. – 2023. – № 4. – S. 112–117.
3. Papejko, A. A. Metaforicheskoe osmyslenie zhizni v poeticheskom diskurse M. I. Cvetaevoj: glagol'nye konstrukcii so znacheniem sub"ekta / A. A. Papejko // Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya. – 2023. – № 5 (126). – S. 93–100.
4. Papejko, A. A. Opyt semantiko-statisticheskogo modelirovaniya koncepta zhizn' (na materiale tvorchestva O. E. Mandel'shtama) / A. A. Papejko // Tekst. Yazyk. Chelovek : sb. nauch. tr. / UO MGPU im. I. P. Shamyakina ; redkol. : S. B. Kurash (otv. red.) [i dr.]. – Mozyr' : MGPU im. I. P. Shamyakina, 2023. – S. 88–94.
5. Papejko, A. A. Semantiko-statisticheskaya model' koncepta «zhizn'» v rusском poeticheskom diskurse 1941–1980 gg. / A. A. Papejko // Yazyk, tekst i kult'ura: problemy lingvistiki i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo : materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. Red.: M. R. Napcok. – Majkop : AGU, 2023. – S. 90–94.
6. Papejko, A. A. Semantiko-statisticheskaya model' koncepta zhizn' (na materiale tvorchestva A. A. Ahmatovoj) / A. A. Papejko // Kulyashoŭskiya chytanni : zbornik navukovyh artykulaŭ pa materyyalah Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., g. Magilyoŭ, 4–5 maya 2023 g. / pad red. T. V. Masejchuk. – Magilyoŭ : MDU imya A. A. Kulyashova, 2024. – S. 49–54.
7. Papejko, A. A. Kvalitativnaya harakteristika zhizni v poeticheskom diskurse M. I. Cvetaevoj / A. A. Papejko // Izvestiya Smolenskogo gos. un-ta. – 2023 – № 4 (64). – S. 89–101.
8. Sajt NKRYa: <https://ruscorpора.ru>.
9. Sajt Mezhdunarodnogo portala AP: <http://www.bards.ru>.
10. Sajt D.B. Vodennikova: <http://www.vodennikov.ru>.
11. Sajt I.M. Irten'eva: <http://irteniev.ru>.
12. Sajt A.M. Parshchikova: <http://parshchikov.ru>.
13. Sajt O.A. Sedakovoj: <https://olgasedakova.com>.
14. Sajt resursa «Vavilon»: <http://vavilon.ru>.
15. Sajt resursa «Zhurnal'nyj zal»: <https://magazines.gorky.media>.
16. Sajt resursa «Novaya kamera hraneniya»: <http://newkamera.de>.
17. Chastotnyj slovar' russkogo yazyka: okolo 40 000 slov / Pod red. L. N. Zasorinoy. – M. : Russkij yazyk, 1977. – 936 s.